

Новое о гнездящихся птицах юго-западного Приморья: неопубликованные материалы прежних лет об орнитофауне Шуфанского (Борисовского) плато

А.А.Назаренко

Александр Александрович Назаренко. Биолого-почвенный институт ДВО РАН, проспект 100-летия Владивостока, д. 159, Владивосток, 690022, Россия. E-mail: birds@ibss.dvo.ru

Поступила в редакцию 7 октября 2014

В рамках двустороннего сотрудничества между Национальным институтом биологических ресурсов Республики Корея и БПИ ДВО РАН, (2014-2015 годы) наша лаборатория орнитологии получила заказ на написание справочника по орнитофауне территории, непосредственно примыкающей к Корейскому полуострову. Размер и конфигурация этой территории, по условиям договора, определялись нашим выбором. Было решено, что это будет всё юго-западное Приморье: его материковая часть вплоть до границы с Китаем и примыкающая акватория залива Петра Великого с многочисленными островами.

Поскольку одной из задач этого проекта, возможно, наиболее важной, являются оценки текущего состояния популяций птиц и динамические процессы в орнитофауне этого района на протяжении XX и нынешнего столетий, естественно, крайне востребованными оказались данные прежних лет, по тем или иным причинам не опубликованные, либо не обратившие на себя внимание.

Таким местом в пределах избранного района является приграничное Шуфанское (в 1972 году переименованное в Борисовское) базальтовое плато. Его венчает плоский купол Вершина Сандуга высотой 745 метров над уровнем моря. Южная периферия плато – изолированные столовые горы Красный и Синий утёсы – была бегло обследована ещё в начале 1960-х годов (Назаренко 1971а; Панов 1973).

Необходимость работы на самом плато, откуда были известны «островные» лиственничные леса (Шишкин 1934), диктовалась надеждой обнаружить там поселение косматого поползня *Sitta villosa*, что в дальнейшем и оправдалось (Назаренко 1988/1990).

Первые же работы на плато (26 июня – 9 июля 1971) показали, что это настоящий «затерянный мир» птиц. Достаточно упомянуть сенсационное обнаружение там большого гнездового поселения малой пестрогрудки *Tribura davidi*, известной в то время только из западной окраины Амурской области. Позже именно на этом плато было впервые

доказано гнездование хохлатого орла *Nisaetus nipalensis orientalis* (Горчаков, Нечаев 1991) – нового для России вида и рода ястребиных птиц. А ещё позже на одной из скальных стен на северо-востоке плато обнаружено гнездование балобана *Falco cherrug* (Курдюков 2002) – вида, явно не аборигенного для восточной окраины Азии.

Экологическая среда. Будет охарактеризована лишь для южной, лесной, части плато. Поверхность плато – это слабо-всхолмлённая равнина, постепенно понижающаяся к северу. Её внутренний, западно-ориентированный «горный» рельеф задаётся глубоко врезанными долинами водотоков бассейна пограничной реки Гранитной. Да и сама эта река, в средней части плато, течёт в глубоком, до 300 м, каньоне. Уровень его днища здесь – 420-400 м н.у.м.

Соответственно, все сухие склоны заняты (либо были заняты в прошлом) кедрово-широколиственными лесами со значительным участием ели и пихты. Это так называемые кедрово-ельники. Однако местами, на северных склонах этих внутренних долин, произрастают настоящие таёжные зеленомошные елово-пихтовые леса. На плоских заболоченных (либо с высоким уровнем грунтовых вод) местах произрастают лиственничные леса разнообразного характера, вплоть до голубичных марей. Либо сохранились их остатки.

К северу, где плато несколько понижается, все сухие места, в том числе и горизонтальные, заняты старыми, но явно вторичными дубняками с редкой примесью старых и огромных лиственниц. По данным П.К.Шишкина (1934), в этих местах в 1920-х годах были вырублены обширные массивы лиственничных лесов.

Хозяйственная деятельность человека – а погранзаставы здесь существуют с незапамятных времён – значительно разнообразила среду обитания для птиц: локальные рубки и пожары привели к возникновению вторичных лесов и древесно-кустарниковых зарослей, а необходимость содержания лошадей в прошлом – лугов. Появление пограничных инженерных сооружений («пограничной системы») и прежде всего полосы открытого грунта (КСП) и высоких опор, способствовало появлению в таких местах китайской белой трясогузки *Motacilla alba leucopsis*, пятнистого конька *Anthus hodgsoni*, черноголового чекана *Saxicola (maura) stejnegeri* и ряда других птиц.

В целом, современная среда на плато имеет сложный, мозаичный характер, предлагая благоприятные условия для птиц с разными экологическими требованиями. В местной фауне легко может быть выделена аборигенная составляющая – обитателей лесных интерьеров, и позднейшие «наслоения». Последние продолжаются и поныне.

Я работал на плато в следующие сроки: 26 июня – 9 июля 1971, 6-14 июня 1984, 24-28 июня 1997, 19-24 июня 1998, 10-18 июня 2000. В двух первых случаях это была южная, самая высокая часть плато, и я

базировался на заставе «Таёжная». В последующие годы – южно-средняя часть, где я останавливался либо на заставе «Полковница», либо ещё сохранялась возможность ненадолго базироваться (с машиной) за «системой». Лишь в первый год работы (1971), ещё до эпохи «погрансистемь», у меня не было затруднений с коллектированием птиц. В последующие годы это стало невозможно.

Далее будут упоминаться виды двух категорий: 1) Неизвестное ранее гнездование на плато и, соответственно, в юго-западном Приморье; 2) Верхние пределы обитания или гнездования популяций для этого района. Видовая номенклатура и последовательность высших таксонов для неворобьиных принимаются по: Dickinson, Remsen (2013); для воробьиных последовательность семейств по: Brazil (2009).

Мандаринка *Aix galericulata*. 26 июня 1997 на камнях сильно обмелевшей реки Гранитной наблюдалась группа из трёх самцов: два рядом и один поодаль. Птицы были в полном брачном наряде, даже оранжевые «веера» на крыльях ещё сохранялись. Здесь же 19 июня 1998 наблюдалась самка с 2, по крайней мере, ещё совсем небольшими птенцами. Колорит этого места был вполне горным.

Фазан *Phasianus colchicus*. Распространён в южной части плато очень локально: в 1997 году по крикам и следам на грязи был отмечен только у заставы «Полковница», а в 2000 году в этом же районе – по вечерним крикам двух самцов у нашего лагеря близ «системь».

Рябчик *Tetrastes bonasia*. У нас не стояла задача выяснить состояние популяции на плато, но пятилетние наблюдения, охватившие временной интервал почти в 30 лет, позволяют заключить, что эта популяция значительная по численности и устойчивая. Проблема в отсутствии на плато потребителей этого ресурса, см. далее.

Большая горлица *Streptopelia orientalis*. В первый год работы вообще не была отмечена. В 1984 году, в этом же месте, большие горлицы уже отмечались, парами, в «освоенной» части плато, в том числе близ заставы «Таёжная». К 2000 году численность несколько возросла и птицы, визуальнo и по вокализации, отмечались вдоль «системь», на открытых участках у застав, а гнездились, судя по направлению их перелётов, в прилегающих лесах или мелкоколесье.

Иглохвостый стриж *Hirundapus caudacutus*. В хорошую погоду эти стрижи регулярно наблюдались над плато в его разных местах, одиночно, чаще парами, а иногда по две пары совместно. По опыту работы в разных районах Уссурийского края – это хорошее свидетельство того, что птицы местные. В приморской полосе юго-западного Приморья, в том числе в районе заповедника Кедровая Падь, из-за регулярных туманов с моря, иглохвостый стриж летом полностью отсутствует (Назаренко 1971а; Панов 1973).

Ширококрылая кукушка *Hierocossyx hyperythrus*, **обыкновенная кукушка** *Cuculus canorus*, **глухая кукушка** *Cuculus optatus*. Обычны на плато, но экологические предпочтения к среде у этих видов не совсем совпадают. Ширококрылая кукушка отдаёт предпочтение лесам с преобладанием темнохвойных пород на склонах, тогда как обыкновенная кукушка населяет вторичные леса и перелески, чередующиеся с лугами и иными открытыми местами. Глухая кукушка – тоже преимущественно лесная птица, но спектр заселяемых ею лесов более широк, чем в случае ширококрылой.

Индийская кукушка *Cuculus micropterus*. Присутствие этого вида в данном районе даже не могло предполагаться, поскольку в те годы на юго-западе Приморья фиксировался лишь случайный, единичный пролёт (Назаренко 1971а; Панов 1973).

На Шуфанском плато индийские кукушки фиксировались лишь в годы наиболее ранних визитов в данный район: 1984 год — две птицы по крикам 10 и 14 июня близ заставы «Таёжная»; 1998 – глубоко врезанная долина ручья близ его впадения в реку Гранитную, два самца энергично кричали вечером 18 и утром 19 июня; 2000 – 14-17 июня, горная открытая после старых рубок долина ручья Игнашкин из бассейна той же пограничной реки. Птицы в эти дни отмечались визуально и по голосам по всей долине, от нашего лагеря и вниз по течению до 3 км. Известно, что у *C. micropterus* крайне обширные индивидуальные участки, и как прочие кукушки, они активно вокализируют, ещё не завершив миграции. Кроме того, нам не удалось обнаружить на плато каких-либо сорокопутов, если не считать одной пары тигровых, отмеченной ещё в первый год работы, см. далее (известно, что на среднем Амуре индийские кукушки паразитируют на сибирском жулане *Lanius cristatus* – Нейфельдт 1963). Так что пока статус индийской кукушки на плато – поздний мигрант.

Большой погоньш *Zapornia paykullii*. 14-17 июня 2000, то же, что и выше, место. Было время ночного полнолуния, и всё живое, что подавало голос в окрестностях нашего лагеря, можно было слышать прямо из палатки. В том числе и «бульканье» большого погоньша.

Вальдшнеп *Scolopax rusticola*. На плато обычен, хотя и немногочислен. Однако в первый год работы (1971) вальдшнеп странным образом остался незамеченным. В 1984 году в этой же местности птицы неоднократно отмечались на тяге, а 9 июня Е.Кушнарёв (мой напарник) обнаружил выводок из 4 пуховичков, взрослая птица отводила. В 2000 году, несколько к северу, в лесистой открытой долине на окраине зеленомошного ельника рядом с дорогой С.Храпко и С.Авдеюк при установке живоловок на грызунов спугнули птицу прямо с яиц. Я осмотрел эту кладку на следующий день. Вечером у нашего лагеря, в 1 км от этого места, была отмечена птица во время тяги.

Хохлатый осоед *Pernis ptilorhynchus*. Наблюдался лишь однажды: птица (тёмная фаза) наблюдалась в полёте над каньоном Гранитной 21 июня 1998.

Пегий лунь *Circus melanoleucos*. Самцы дважды наблюдались на лесных лугах в конце июня 1971 года (точные даты в дневнике не указаны).

Малый перепелятник *Accipiter gularis*. Лишь одна встреча: самец 9 июня 1984 близ заставы «Таёжная».

Перепелятник *Accipiter nisus*. Самка наблюдалась в полёте на уровне плато (700 м) над каньоном реки Гранитной 27 июня 1997.

Тетеревятник *Accipiter gentilis*. За пять визитов на плато лишь одна встреча – 16 июня 2000 в долине уже упоминавшегося Игнашкиного ручья. Но это было свидетельство гнездования. Мне необходимо было попасть в устье упомянутого ручья, и проходя это место, а это была старая вырубка долинного кедровника, я подвергся пассивной атаке самца: ястреб с тревожными криками стал летать надо мной на высоте около 20 м. На обратном пути я устроил здесь обеденный привал, и птица сначала вела себя столь же беспокойно, а затем, видимо успокоившись, стала летать, покрикивая, надо мной «челноком»: с одного склона долины на противоположный, ненадолго присаживаясь на деревья опушки. Наконец, она села на сухое дерево в 150 м и чуть выше по склону и стала наблюдать за мной. Кроме того, в конце июня 1971 (точная дата в дневнике не указана) я наткнулся на груды перьев сойки на лесной дороге – остатки трапезы, скорее всего, тетеревятника.

Восточный сарыч *Buteo japonicus*. За пять визитов на плато не было ни одной достоверной встречи. Между тем мой опыт работы в более северных, в том числе горных районах позволяет заключить, что Шуфанское плато в его современном состоянии – просто идеальная среда для сарыча (см. ниже раздел об ошейниковой совке), как и для тетеревятника. Несоответствие между наличием потенциальных ресурсов и парадоксально низкой плотностью популяции этих видов на юге Приморья уже обратило на себя внимание (Шульпин 1936; Панов 1973). Мне кажется, что возможным объяснением этого может быть то, что данный район, в особенности юго-западное Приморье, лежит на окраине ареалов этих видов на востоке материковой Азии.

Ястребиный сарыч *Butastur indicus*. Отмечен лишь однажды, 27 июня 1997, в полёте над каньоном реки Гранитной. Из этого места – т.н. Скалистого мыса (700 м н.у.м.) – открывается потрясающий вид на каньон, китайскую часть плато и воздушное пространство. Отсюда мной наблюдались и другие птицы, в том числе иглохвостые стрижи.

Восточная совка *Otus sunia*. Неоднократно, но не часто, фиксировалась по голосу при прослушивании «ночного леса» в разных местах плато, но не в глубине таёжных лесов.

Ошейниковая совка *Otus (bakkamoena) semitorques*. Одна из моих неожиданных находок на плато. 1 июля 1971 на открытой поляне среди кедрово-ельника (на высоте ≈ 600 м н.у.м.) я наткнулся на выводок из 5 птенцов в мезоптиле, которые тесной группой сидели в большом кусте сирени в полном цвету. Я их некоторое время разглядывал в бинокль с расстояния 5-6 м. Один из них, самый маленький, оказался рыжей фазы. У всех оранжевые глаза. Затем птенцы вдруг стали разлетаться в разные стороны, видимо, услышав какой-то сигнал от родителей. Я не без труда разыскал одного и добыл. Птенец был очень упитанным, а в его желудке оказалась лесная полёвка. В этой местности полёвки постоянно выдавали своё присутствие, что свидетельствовало о высокой численности популяции в том году.

Это первое свидетельство возможности обитания этого южного вида в поясе кедрово-еловых лесов.

Длиннохвостая неясыть *Strix uralensis*. Регулярные визуальные встречи и прослушивание «ночного леса» позволяют заключить, что эти птицы на плато обитают повсеместно и в разных лесах.

Вертишейка *Jynx torquilla*. Лишь в первый (1971) год работы была отмечена несколько раз по крикам в редколесных лиственничниках и в мелколесье с лугами по старым гарям и вырубкам. Странным образом, в последующие годы вертишейка нигде более не встречалась. Формальный верхний предел обитания популяции в данном районе — ≈ 700 м н.у.м.

Седоголовый дятел *Picus canus*. Судя по визуальным наблюдениям и вокализации, популяция вида на плато, не будучи многочисленной, приурочена к дубовым лесам с лиственницей (≈ 600 н.у.м.) и различным вторичным лесам и перелескам примерно на этом же высотном уровне.

Желна *Dryocopus martius*. Самый заметный, если судить по его далеко слышной вокализации и визуальным встречам и, видимо, самый многочисленный из дятлов на плато. Обитает во всех лесах, отдавая предпочтение несколько расстроенным локальными пожарами и рубками насаждениям. Доверчив: 7 июня 1984 найдено гнездовое дупло в дубе на высоте 15 м, из которого высовывали головы, выпрашивая корм, два уже почти выросших птенца. Дерево стояло прямо у ограждения из колючей проволоки, и мимо него ежедневно проходил пограничный наряд.

Малый острокрылый дятел *Dendrocopos kizuki*. Всего две встречи: 26 июня 1997 по позывке отмечен в приручейном лесу близ впадения ручья в реку Гранитную (420 м н.ур.м.). 27 июня 1997 в этой же местности наблюдался выводок из 3 молодых в сопровождении одной взрослой птицы, которая их кормила. Все дятлы были очень подвижны, перемещались независимо друг от друга, и трудно было определить,

сколько их было в действительности. Место встречи: старый дубовый лес с примесью лиственниц на плато (650 м н.у.м.).

Белоспинный дятел *Dendrocopos leucotos*, **большой пёстрый дятел** *D. major*. В целом местные популяции этих видов немногочисленны и приурочены, как и у седоголового дятла, к старым дубовым лесам с лиственницей и различным вторичным широколиственным насаждениям. 3 июля 1971 по крикам птенцов найдено гнездовое дупло большого пёстрого дятла, устроенное в дубе на высоте 10 м.

Малый пёстрый дятел *Dendrocopos minor*. Отмечен лишь один раз, 15 июня 2000, в древесно-кустарниковых зарослях близ пограничной «системы» на высоте 650 м н.у.м. Любопытно, что в сходных условиях, но несколько к югу, этот дятел встречен 4 июля 1965 близ вершины пограничной горы Высотная, 800 м н.у.м. (Панов 1973).

Трёхпалый дятел *Picoides tridactylus*. Ещё одна непредвиденная гнездовая находка. Пара сильно беспокоящихся трёхпалых дятлов близ гнездового дупла встречена 1 июля 1971 в приручейном кедрово-еловом лесу на высоте 700 м н.у.м. К сожалению, занятый ещё более сенсационными находками в том году, я в следующие посещения плато уже не имел возможности работать в больших массивах этих лесов.

Личинкоед *Pericrocotus divaricatus*. На плато наблюдались только в полосе дубовых лесов с примесью лиственниц, в том числе на пологих склонах, и в разнообразных производных широколиственных лесов. Присутствие личинкоеда легко выявляется по территориальным воздушным демонстрациям, сопровождаемых издали слышимой вокализацией.

Тигровый сорокопут *Lanius tigrinus*. Пара тигровых сорокопутов неоднократно наблюдалась на гнездовом участке в конце июня 1971 года в полосе опушки изреженного дубово-лиственничного леса. Другие виды сорокопутов вообще не попадались.

Известно, что «мелкие» сорокопуты, включая сибирского жулана, в период насиживания и выкармливания маленьких птенцов ведут себя поразительно скрытно. И только у гнёзд с подросшими птенцами и при слётках, с середины июля, они выдают своё присутствие громкой тревожной позывкой. Так что исключить возможность гнездования в южной части плато сибирского жулана нельзя.

Сойка *Garrulus glandarius*. Отмечена как немногочисленная птица преимущественно в дубняках с лиственницей, производных широколиственных лесах и даже по окраинам кедрово-ельников.

Кедровка *Nucifraga caryocatactes*. Наблюдалась только в 1971 и 1984 годах, когда обследовались кедрово-еловые и елово-пихтовые леса. В начале июня 1984 года отмечались одиночные взрослые птицы, а в конце июня – начале июля 1971 года уже можно было наблюдать группы (выводки) до пяти особей, но и одиночных птиц также. В по-

добной же обстановке к югу от плато и на восточном макросклоне плато кедровки в начале-середине июля 1965 года наблюдались Е.Н.Пановым (1973). Безусловно, в приграничных горах юго-западного Приморья существует локальная популяция этого вида.

Большеклювая ворона *Corvus macrorhynchos*. В целом малочисленна. Изредка и в полёте отдельные особи и группы наблюдались в разных местах, а их концентрации до 10 особей – только у погранзастав. Там имеется своё хозяйство, и случалось наблюдать, как вороны с наполненными подъязычными мешками улетали в определённом направлении. В собственно лесной обстановке я их не видел.

Белобрюхая синица *Parus minor*. Характерна для дубовых лесов, в том числе с примесью лиственниц и белой берёзы на самом плато (500-600 м н.у.м.). Наблюдалась также в разнообразных вторичных широколиственных лесах и перелесках. По приручейным широколиственным зарослям, после вырубki хвойных пород, спускается вниз до уровня магистральной реки этого района.

Московка *Periparus ater*. Многолетний мониторинг и учёты численности московки в южной половине Приморского края показали, что население этого вида крайне динамично как по численности, так и по срокам сезонных перемещений (Назаренко 1971а, 1984; Панов 1973). Это полностью подтверждается на примере Шуфанского плато. В 1971 году наблюдалась повсеместно высокая численность московок от кедровников до дубняков с лиственницей. В 1984 году в начале июня отмечен хорошо заметный пролёт в северо-западном направлении: птицы одиночно или группами до трёх придерживаются вершин деревьев и перемещаются сразу далеко. Не поют. Однако 13 июня наблюдалась московка, собирающая корм. В 1997 году была невысокая численность московок, но они отмечались даже в дубняках с лиственницей близ каньона реки Гранитной. Для 1998 года в дневнике записи об этом виде отсутствуют. В 2000 году этих птиц было немного, но они встречались повсеместно.

Болотная гаичка *Poecile palustris*, **пухляк** *P. montanus*. В южной части плато высотные пределы распространения этих синиц почти совпадают. Естественно, первый вид отдаёт предпочтение насаждениям с преобладанием широколиственных пород, включая дубняки с лиственницей, а второй – лесам таёжного колорита. В лесах переходного характера они обитают вместе. Численность местных популяций довольно значительно варьирует в разные годы, в особенности у пухляка. В таком случае птицы отмечались только в «типичной» среде.

Ласточка-касатка *Hirundo rustica*, **рыжепоясничная ласточка** *Secropis daurica*. Эти виды стали гнездиться на постройках пограничных застав с 1969 года (информация от одной из офицерских жён) – после завершения нового типового строительства погранзастав, вклю-

чая и жильё для семейных офицеров. В 1984 году на строениях заставы «Таёжная» гнездились около 15 пар касаток и 6 пар рыжепоясничных ласточек. Были и старые гнёзда.

Ополовник *Aegithalos caudatus*. В 1971 году эти птицы, уже семейными группами, отмечались повсеместно, в том числе в дубовых лесах с лиственницей. В 1984 году в начале июня близ заставы «Таёжная» была отмечена лишь одна пара. Но возможно, что ополовники в это время ещё вели малозаметный образ жизни. В конце июня 1997 года в дубняках с лиственницей на плато отмечались немногочисленные семейные группы.

Короткохвостка *Urosphena squameiceps*. Как и повсюду, короткохвостка заселяет захламлинные участки (с буреломом) в кедрово-еловых лесах. Численность на плато невысокая. Например, в 1984 году в типичном месте она отмечена по пению лишь однажды, 11 июня. В 1997 году, несколько севернее, между 24 и 28 июня отмечалась по вокализации несколько раз в приручейном кедровнике.

Короткокрыла камышевка *Horeites canturians*. В 1971 году одна птица по пению постоянно отмечалась у заставы «Таёжная». В 1997 году три самца обнаружены по пению у заставы «Полковница».

Малая пестрогрудка *Tribura davidi*. Уже в первый же вечер моего появления на заставе «Таёжная» 26 июня 1971 я услышал некие ритмически звенящие звуки, которые доносились из ближайших кустарниковых зарослей и которые, по сезону, не могли принадлежать насекомым. Но мне так хотелось быстрее оказаться в лиственничнике, чтобы начать поиски там косматого поползня, что ранним утром следующего дня я туда и направился, тем более что вчерашние почему-то молчали. Зато лиственничники меня вознаградили сполна: я обнаружил там и поползней, и пестрогрудок. Материалы двух первых визитов на плато были использованы в рукописи «Род пестрогрудки *Tribura*» для 10-го тома «Славковые птицы СССР» (редактор-составитель А.Ф.Ковшарь). Все дальнейшие материалы вошли в рукопись с таким же названием для двухтомника из серии «Птицы России и сопредельных стран» (редактор-составитель М.В.Калякин).

Можно лишь сказать, что по крайней мере в течение 30 лет, с 1971 по 2000 год, это поселение существовало на Шуфанском плато.

Пятнистый сверчок *Locustella lanceolata*. Ещё один новый гнездящийся вид для юго-западного Приморья. В 1971 году пятнистые сверчки были обнаружены по пению 29 июня и 5 июля в обширном лиственничном массиве. Участки: лиственничная марь – угнетённый редкостойный лиственничник с подлеском из голубики и кустарниковой берёзки; ольховое мелколесье под пологом высоких редкостоящих лиственниц. И те и другие места были очень сырыми, и наземный ярус составлял травянистый кочкарник. Это же место я посетил во второй

приезд 8, 12 и 13 июня 1984 и отметил по пению 4 птиц. Все они пением реагировали на моё присутствие, видимо, на их территории, стоило мне удалиться, как они замолкали. К сожалению, я не имел возможности работать в этом массиве рано утром и после захода солнца, поскольку ко времени второго визита он уже находился за пограничной системой. Были обследованы физиономически сходные места, но без лиственниц, доступные в любое время (т.е. перед «системой»), но птиц там обнаружить не удалось. Не удалось обнаружить пятнистых сверчков 14-17 июня 2000 и в местности в 5 км к северу, когда мы разбили лагерь прямо в лиственничнике за «системой», а рядом ещё находилось кочкарниковое болото, поросшее ольховником. Здесь без проблем были обнаружены и записаны пестрогрудки.

Так что статус поселения пятнистого сверчка на Шуфанском плато остаётся не совсем ясным. Отметим, что в южном Сихотэ-Алине существуют только изолированные поселения этого вида в островных массивах лиственничных лесов: в истоках реки Уссури близ горы Облачная, в урочище «Мута», и два поселения – на Майхэ-Даубихинском (ныне Шкотовском) плато (Назаренко 1971б).

Пестроголовая камышевка *Acrocephalus bistrigiceps*. Небольшое поселение в зарослях полыни у заставы «Таёжная», 1998 и 2000 годы.

Толстоклювая пеночка *Phylloscopus schwarzi*. Поскольку леса на плато и ныне, и в прошлом были значительно расстроены рубками и пожарами и восстановительные сукцессии шли повсеместно, толстоклювая пеночка является фоновым видом плато. Проще указать, где её нет: в сохранившихся участках кедрово-ельников, в подобных же елово-пихтовых лесах и в сомкнутых лиственничниках. Она обитает и в старых дубовых лесах с лиственницей, но там она всё-таки не доминирует. В глубоких внутренних долинах, пройденных рубками, толстоклювую пеночку можно увидеть в куртинах ив и другого древесного подроста у разнотравных полей, но везде одиночно. В оптимальных условиях с места можно услышать 3-4 птиц.

Корольковая пеночка *Phylloscopus proregulus*. Как и везде, корольковая пеночка экологически и пространственно связана с лесами, где темнохвойные породы либо преобладают, либо присутствуют в той или иной степени. На плато это кедрово-еловые и елово-пихтовые леса. Эта пеночка практически игнорирует лиственничники, если там отсутствует хотя бы небольшая примесь кедра или других темнохвойных пород. Однако в небольшом числе и только на склонах наблюдалась в дубняках с примесью крупных экземпляров лиственниц.

В территориальном распределении корольковой пеночки имеет место одна важная деталь: необходимо, чтобы песенный пост, а им являются макушки хвойных деревьев, по высоте существенно превалировал над окружающими деревьями лиственных пород. Эта загадочная

особенность самца – господствовать над окружающим пространством – может проявляться самым неожиданным образом. Например, у западной окраины плато, прямо на бровке каньона реки Гранитной (урочище «Скалистый мыс») я два года подряд (1997 и 1998) наблюдал корольковую пеночку, поющую на вершинках нескольких древовидных можжевельников. Под ними начинался провал в 300 м, а на её уровне, но в стороне от обрыва – куртинки невысоких дубняков. Абсолютно идентичную картину я наблюдал 8 июня 1997 севернее, в расположении погранзаставы имени Стрельникова. Там был почти такой же обрыв над рекой Уссури, а певец сидел на невысоком дубке у его края. Здесь, как и в первом случае, не было хвойных деревьев поблизости.

Я заканчиваю этот этюд на следующем: я заметил, что на плато под этим «обаянием пространства» находился не только самец корольковой пеночки. Поодаль, на вершинах небольших деревьев у бровки плато или чуть ниже, на крутом склоне, можно было видеть синюю мухоловку и белогорлого дрозда. Они тоже там пели.

Бледноногая пеночка *Phylloscopus tenellipes*. Как и повсюду, населяет приручейные участки в кедрово-ельниках и в переходных насаждениях от них к дубнякам с лиственницей; мелколесье по окраинам лиственничников. Кроме того, она встречена (1984 год) в древесно-кустарниковых зарослях вдоль дорог и на гудах грунта, оставленных бульдозерами при строительстве пограничной системы. Популяция этого вида здесь вполне жизнеспособна.

Сибирская зелёная пеночка *Phylloscopus plumbeitarsus*. Наблюдалась только в 1984 году: рассеянные встречи в кедрово-ельниках и елово-пихтовых насаждениях на склонах внутренних долин. 11 июня на маршруте в 8 км по подобным местам зелёная пеночка отмечена дважды, причём по тревожному поведению, включая позывку. Ранее, 7 июня, зарегистрирована по пению на участке леса с преобладанием широколиственных пород. Скорее всего, это был запоздалый мигрант. Поскольку, как уже было упомянуто, в последующие годы я не имел возможности работать в этих лесах, статус этого вида в данном районе остаётся неясным.

Светлоголовая пеночка *Phylloscopus coronatus*. На плато существует многочисленная и жизнеспособная популяция. Об этом свидетельствует то, что в спектр местообитаний светлоголовой пеночки здесь входит максимальное для неё разнообразие лесных сообществ. Прежде всего, это хвойно-широколиственные леса и мелколесье. Светлоголовая пеночка – обычный компонент дубовых лесов с лиственницей, и с ними выходит до уровня 700 м н.у.м. Естественно, она не живёт под пологом сохранившихся кедрово-ельников и тем более зеленомошных ельников, но в берёзовом мелколесье на месте обширных полей или старых вырубок среди них её можно встретить. По мелколесью вдоль

дорог светлоголовая пеночка также проникает в эти леса. Кроме того, в настоящее время она заселяет разнообразные древесно-кустарниковые заросли вдоль пограничной системы.

Ранее, в 1971-1984 годах (и, очевидно, раньше) светлоголовая пеночка (как и многие другие виды, в том числе косматый поползень), обитала на плато и под пологом сложных многоярусных лесов, где самый верхний уровень образовывали гигантские редкостойные лиственницы. Далее находился заметно более низкий ярус из старых кедров и елей, тоже редкостойных. Всё остальное пространство занимали широколиственные породы: дуб, ясень, липа. Интересно, что эти леса были светлыми, не дремучими. Однако позже они были полностью вырублены. В том числе и потому, что при делимитации границы на плато в середине 1990-х годов часть этой территории (левобережный участок бассейна ключа Гранитного!) отошла Китаю.

Буробокая белоглазка *Zosterops erythroleurus*. Достоверно отмечалась только в 1984, 1997 и 2000 годах. Действительно, популяция этого вида, в среднесрочном контексте, достаточно вариабельна.

На плато численность невысокая, и птицы по голосу и визуально отмечались в разнообразных широколиственных лесах и перелесках, в последних – среди дубняков с лиственницей. Кроме того, встречались в такой же экологической обстановке вдоль пограничной системы. Формальный верхний уровень, на котором фиксировались белоглазки, составляет 600-650 м н.у.м.

Желтоголовый королёк *Regulus regulus*. Достоверно отмечался только в два первых визита на плато, в 1971 и 1984 годах, когда я имел возможность специально обследовать массивы кедрово-широколиственных лесов. В целом обычен, но численность в те годы была невысокой. Населяет преимущественно кедрово-ельники. Но однажды королёк был обнаружен по пению в отдельной куртине хвойных деревьев в окружении вторичного широколиственного леса. В 1971 году королёк дважды отмечался по пению в чистых лиственничниках вдали от кедрово-ельников.

Крапивник *Troglodytes troglodytes*. Обычен, типичные места обитания – приручейные участки в кедрово-ельниках. Отмечался также на старых лесосеках в этих же лесах, на местах так называемых «верхних складов» с завалами древесных отходов. Обычно они расположены у борта долины, где протекает ручей. Птицы отличаются высокой вокальной активностью. Эти данные, а также некоторые наблюдения Е.Н.Панова (1973) позволяют заключить, что основная часть популяции крапивника в юго-западном Приморье в период гнездования сосредоточена в горной, западной части этой территории. В заповеднике «Кедровая Падь», например, в прекрасно сохранившихся горных чернопихтово-широколиственных лесах, крапивник гнездится лишь эпи-

зодически и в ничтожном числе (Назаренко 1971а, 1984; Панов 1973).

Косматый поползень *Sitta villosa*. Информация об этом виде (Назаренко 1988/1990; Nazarenko *et al.* 2010), по крайней мере для Шуфанского плато, скорее всего, уже не соответствует современному положению дел, принимая во внимание произошедшие изменения лесов в бассейне Гранитной, о чём упоминалось выше. Мне не удалось обнаружить косматого поползня в дубовых лесах с примесью лиственниц. Скорее всего, потому, что их примесь очень незначительная, и они даже небольших куртин не образуют. И лишь однажды, 14 июня 2000, близ нашего лагеря в бассейне ручья Игнашкин, мне показалось, что я услышал краткую, но характерную модулирующую трель его песни. Здесь находился небольшой участок лиственничника на стыке с кедрово-ельником. Но визуально эту птицу я не обнаружил.

Пищуха *Certhia familiaris*. Странным образом, за все годы работы на плато пищуха была отмечена лишь однажды: по краткому пению 12 июня 1984 в кедрово-ельнике, пройдённому рубкой.

Серый скворец *Sturnus cineraceus*. По наблюдениям в 1971 и 1984 годах, пара серых скворцов гнездилась на заставе «Таёжная». В той же части плато в начале июля 1971 года наблюдались в полёте небольшие группы птиц. Это время – начало нормального отлёта из мест гнездования у этого вида.

Сибирский дрозд *Geokichla sibirica*, **пёстрый дрозд** *Zoothera varia*, бледный дрозд *Turdus pallidus*. Судя по пению, в том числе при прослушивании «ночного леса», эти виды населяют всё разнообразие лесов на плато вплоть до его верхнего уровня (700 м н.у.м.). Например, ночью удалось услышать песню пёстрого дрозда, которая доносилась откуда-то из середины склона каньона реки Гранитной. Судя по нечастым песням, численность популяции сибирского дрозда на плато, как и повсюду, очень низкая.

Сизый дрозд *Turdus hortulorum*. По пению отмечен лишь дважды: 28 июня 1971 в дубняке с лиственницей и 19 июня 1998 в приручейных зарослях водотока близ его впадения в реку Гранитную (420 м). Скорее всего, это заблудившиеся на пролёте птицы.

Соловей-красношейка *Calliope calliope*. Если трактовать фаунистический статус красношейки по месту и дате его первого обнаружения в данном районе, то это – новый гнездящийся вид для юго-западного Приморья. Эти данные следующие: 1) Конец июня – начала июля 1971; поселение было обнаружено в лиственничной массиве – в кустарниковых зарослях и в мелколесье по рединам, на лиственничной мари и в сырых кустарниковых зарослях за пределами лиственничника. В такое время, помимо пения по утрам, птицы, особенно самцы, легко обнаруживают себя своим беспокойным поведением, включая два варианта тревожной позывки. 4 июля наблюдался самец с кормом.

2) 6-14 июня 1984; красношейки обнаружены уже в новой обстановке: в древесно-кустарниковых зарослях по пограничной системе и у дорог близ заставы «Таёжная». Хотя условия работы за «системой» к этому времени ужесточились, я всё-таки побывал в лиственничнике и нашёл красношеек на прежних местах. В конце июня 1997 года соловьи-красношейки по утреннему пению были обнаружены в стандартной обстановке близ заставы «Полковница», что примерно в 10 км к северу. Несколькими загадочно, что 14-17 июня 2000 у нашего лагеря в долине Игнашкина ручья (примерно посередине между упомянутыми заставами) при наличии идеальных условий и, в том числе, ночного полнолуния, птицы ничем себя не обнаружили.

Соловей-красношейка – высокогорный по своему происхождению и появлению на восточной окраине Азии вид (Назаренко 1979). В Уссурийском крае на протяжении уже многих десятилетий происходит освоение им новых южных территорий, где экологическая среда, физиономически идентичная его первичной среде (мозаика древесно-кустарниковых и травянистых зарослей от верхней границы леса и выше) создана хозяйственной деятельностью человека. Этот процесс протекает как бы в двух вариантах: энергичнее всего осваиваются местности типа Шуфанского плато. Подобное «мини-плато» я обнаружил в 1965 году севернее, на крайнем западе края, на горе Кедровая, между прочим, у развалин «закрытой» погранзаставы (700 м н.у.м.). Другой вариант – это освоение уже долинных (Назаренко 1971б) и даже низменных территорий. Во втором случае – это Приханкайская низменность и долина реки Раздольной (Нечаев 1997).

Синий соловей *Larvivora cyane*. На плато почти такой же вездесущий, что и бледный дрозд. Естественно, в дубовых лесах с лиственницей, с их почти парковым характером, отмечался нечасто и лишь по западинкам, где сохранился густой подлесок. По утрам активно поёт до начала июля, но с этого времени уже многие птицы проявляют беспокойство и можно увидеть слётков.

Соловей-свистун *Larvivora (?) sibilans*. «Молекулярные» данные (Sangster *et al.* 2010, fig. 1) свидетельствуют, что этот вид образует очень тесный кластер с видами *akahige* и *komadori* с Японских островов, но не с синим соловьём. Соловей-свистун – новый гнездящийся вид для юго-западного Приморья. В 1971 и 1984 годах наблюдался (фиксирувался по пению) только в кедрово-ельниках у верхнего уровня плато. В поздний визит 1971 года отмечен 27, 29 июня и 1 июля. По оценке в 1984 году, в подобных местах обычен, но численность сравнительно невысокая: на часовом учётном маршруте – от 3 до 5 птиц.

Я думаю, что Е.Н.Панов (1973) просто пропустил этот вид, поскольку его визиты в подобные леса проходили в очень позднее время и были кратковременными.

Сибирская горихвостка *Phoenicurus auroreus*. Отмечена только на заставах, в том числе вылет слётков 5 июля 1971. Кроме того, однажды, наблюдался самец у «системы» близ заставы «Полковница».

Черноголовый чекан *Saxicola (maura) stejnegeri*. При обилии потенциально пригодных мест удивляет очень низкая численность местного населения. Чеканы отмечались на лугах, в том числе у лиственничников, у застав и по пограничной системе.

Белогорлый дрозд *Petrophila gularis*. В своё время (Назаренко 1971а, с. 37-38) я привёл исчерпывающую характеристику среды обитания и состояния популяции этого вида в юго-западном Приморье: «Птицы обнаружены лишь на отдельных вершинах, не ниже 400 м над уровнем моря, на участках с крутыми склонами, выходами коренных пород и нарушенными лесами. Только в горах у западной границы района, где масса скал и обнажений, а леса сильно расстроены, численность популяции возрастает, и птицы спускаются ниже: метров до трёхсот». В условиях собственно плато, в местах, где на крутых склонах внутренних долин леса нарушены, или же это светлые дубовые леса с лиственницей, непременно можно услышать песню и увидеть певца, сидящего открыто на сухой вершине высокого дерева. Как упомянуто выше (в разделе о корольковой пеночке) у кромки каньона реки Гранитной или чуть ниже по склону птицы поют на совсем невысоких деревьях, но здесь открывается крутой склон высотой 300 м. Я не припомню случая, чтобы белогорлый дрозд пел, сидя на скале.

Сибирская мухоловка *Muscicapa sibirica*. В начале июля 1965 года я обнаружил большое поселение этого вида (в период выкармливания птенцов) в островном лиственничнике, в урочище Ларченково болото, на Шкотовском плато (Назаренко 1971б). И ожидал нечто подобное найти и на Шуфанском плато. Но реальность оказалась совершенно неожиданной: за 5 визитов на плато этот вид был встречен лишь однажды, в 1971 году. 1 июля пара сибирских мухоловок встречена на гнездовом участке в изреженном рубкой кедрово-ельнике и ещё одна пара – на гнездовом участке в лиственничнике 3-5 июля. Однако формально, это – новый гнездящийся вид для данного района.

На плато не удалось найти и **пестрогрудую мухоловку** *Muscicapa griseisticta*, большое поселение которой обнаружено и изучено в 1964-1967 годах в обширном изолированном лиственничном массиве (урочище Мута) в истоках реки Усури (Назаренко 1971в).

Ширококлювая мухоловка *Muscicapa dauurica*. С этим видом на плато нас ждала такая же неожиданность: ширококлювая мухоловка отмечена лишь однажды – 5 июля 1971. Я хорошо знаю этот вид «в поле» по своим многолетним учётным работам (Назаренко 1984). Птицы хорошо отличаются от других видов рода *Muscicapa*, названных выше, и по повадкам, и по вокализации. В последнее десятилетие, действи-

тельно, с популяцией этой мухоловки что-то произошло, поскольку птицы перестали наблюдаться и на пролёте, и на гнездовании во многих местах, где приходилось работать. В частности – в Академической роще во Владивостоке. Но визиты на плато пришлись всё-таки на более раннее время. Строго говоря, птицами широколиственно-дубовых и дубовых с примесью лиственниц лесов я специально занимался в два смежных года – 1997 и 1998, проведя примерно одинаковое число дней в середине июня в одном и том же лесном массиве в высотных пределах от уровня пограничной реки до верхней кромки плато. В первый год была хорошая, но жаркая погода, но я останавливался на заставе и выходил за «систему» после 7 ч. Во второй год в это время был сильный вынос с моря, и плато до обеда стояло в тумане, но мы оставались там круглосуточно и имели возможность слушать «ночной лес». И не было проблем со всеми другими видами. Кстати, в свой первый визит на плато я тоже немного поработал в дубняках с лиственницей.

Желтоспинная мухоловка *Ficedula zanthopygia*. В первый, очень поздний по времени, визит на плато этот вид не был отмечен, хотя я немного, но побывал в дубняках с лиственницей. Работы в 1984, 1997 и 1998 годах показали, что желтоспинная мухоловка населяет разнообразные леса и перелески, образованные широколиственными породами, и прежде всего – дубовые леса, включая обширные массивы дубняков с лиственницей, где птицы были отмечены в их разных вариантах, в том числе на пологих склонах и без полян. Верхний уровень составляет примерно 600 м н.у.м. Кроме того, желтоспинная мухоловка отмечена в ленточных древесно-кустарниковых зарослях вдоль лесных дорог и пограничной системы. У этого вида достаточно протяжённый период вокализации, и потому птиц легко обнаруживать.

Таёжная мухоловка *Ficedula mugimaki*. Новый гнездящийся вид для юго-западного Приморья. В 1971 году 29 июня наблюдался встревоженный самец с кормом. Место: высокий редкостойный лиственничник с ярусом ольхового мелколесья высотой до 4 м. Там эта птица и держалась. Встревоженная пара птиц наблюдалась 4 июля также в лиственничнике, причём недалеко от места, где была встречена сибирская мухоловка. Запись в дневнике за 1984 год: «Судя по пению, изреженная (т.е. с невысокой плотностью) популяция существует только в кедрово-ельниках». Рубленные, т.е. изреженные кедрово-ельники эти птицы почему-то игнорируют, хотя подобные участки обследовались неоднократно, в том числе и в 2000 году (Игнашкин ключ). У таёжной мухоловки очень громкая живая песня, и там, где она есть, её очень трудно не заметить.

Синяя мухоловка *Cyanoptila cyanomelana*. Населяет осветлённые, в том числе рубками, хвойно-широколиственные и широколиственные леса горных склонов и долин – участки с выходами коренных пород и

даже скальными массивами или же ветровальными деревьями. Это объясняется тем, что свои гнёзда птицы помещают очень близко к поверхности земли в различных нишах, углублениях, полудуплах (Назаренко 1971а). На плато синие мухоловки обитают в высотном диапазоне от уровня долины пограничной реки до верхнего уступа её каньона – 700 м н.у.м. Численность популяции не очень значительная.

Полевой воробей *Passer montanus*. Небольшие поселения на пограничных заставах.

Китайская белая трясогузка *Motacilla (alba?) leucopsis*. Показано, что по «молекулярным» и окрасочным признакам формы *leucopsis*, *lugens* и *personata* образуют чёткий самостоятельный кластер в комплексе *Motacilla alba* (Pavlova et al. 2005, fig. 3). Добавим, что это касается и некоторых поведенческих признаков. Гнездится на строениях застав, что произошло, вероятно, уже после 1984 года. А выводки держатся на открытых участках близ застав, в том числе на КСП вдоль пограничной системы.

Горная трясогузка *Motacilla cinerea*. Наблюдалась на горных водотоках, включая и магистральную реку в этой части плато, и у застав с самого начала моих исследований. Везде была не очень заметна.

Пятнистый конёк *Anthus hodgsoni*. Новый гнездящийся вид для юго-западного Приморья. Уже в первый визит на плато в 1971 году я наблюдал пятнистого конька во многих местах: в редкостойных лиственничниках, в том числе на марях и на полянах с невысокой травой, на полянах – бывших вырубках, среди кедрово-ельников, у лесных дорог и у заставы «Таёжная». Поскольку у этого вида не менее двух выводков за лето, у птиц продолжительная активность и их легко обнаружить по токовым демонстрациям самцов. Обычный песенный пост – верхушка дерева. 28 июня наблюдались 2 почти доросших слётка под опекой взрослой птицы, а 30 июня на вырубке кедрово-ельника – 3 слётка, сидевших в нижних частях крон елей (обнаружены по птенцовому призывному крику; я не смог их разглядеть). Здесь же была одна беспокоившаяся взрослая птица. В последующем пятнистые коньки были найдены по открытым участкам среди дубовых лесов с примесью лиственниц (уже пели плохо, больше беспокоились), вплоть до верхней кромки плато. Кроме того, встречается повсеместно вдоль «систем».

Пятнистый конёк – это почти полный биогеографический аналог соловья-красношейки: как по своему субальпийскому происхождению (Назаренко 1979), так и по недавней, «вторичной» (спровоцированной человеком) инвазии к югу. Но в южном Приморье, в противоположность северному, он пока полностью игнорирует низменные межгорные пространства.

Китайская зеленушка *Chloris sinica*. Лишь однажды пара птиц встречена у заставы «Таёжная» в 1971 году.

Урагус *Uragus sibiricus*. На плато, как и повсюду, урагус населяет влажные древесно-кустарниковые заросли, чередующиеся с открытыми травянистыми сообществами, от мелколесья и редколесья с лиственницей (≈ 700 м н.у.м.) до таких же зарослей по внутренним долинам на месте вырубленных кедрово-ельников; кроме того – древесно-кустарниковые заросли вдоль дорог и пограничной системы. Обычен.

Клёст-еловик *Loxia curvirostra*. В 1971 году, в конце июня – начале июля постоянно наблюдались кочующие группы клестов над местами, где преобладали темнохвойные леса. То же самое наблюдалось и в 1984 году. Распад стай и токовой активности (пение и полёты «бабочкой») не наблюдалось (с 6 по 14 июня). Так что гнездование на плато не было строго подтверждено. В последующие визиты на плато еловик вообще не наблюдался.

Серый снегирь *Pyrhula cineracea*. Строгое подтверждение гнездования этого вида на плато и тем самым в юго-западном Приморье. Птицы наблюдались на плато в 1971, 1984 и 1998 годах и только в его южной части, там, где тогда существовал значительный массив кедрово-еловых и лиственничных лесов. С конца июня 1971 года уже встречались самостоятельные молодые в гнездовом наряде: коллекционный экземпляр от 29 июня в лиственничнике (из «пары» с таким же *juv*). Другая такая же «пара» наблюдалась 5 июля. Отмечались и взрослые птицы, преимущественно самцы, в том числе беспокоящиеся. Коллектирован взрослый самец 30 июня в лиственничнике. В 1984 году серые снегيري наблюдались преимущественно в кедрово-ельниках, от 1 до 3 за экскурсию. Интересно, что явно одни и те же особи отмечались на одном и том же месте 9, 11 и 12 июня. Самая поздняя дата встречи (отмечена по позывке) – 22 июня 1998. Нужно отметить, что видовая позывка у серого снегиря звучит чуть ниже по тону, чем у уссурийского *P. griseiventris*, и в прошлом, когда я специально занимался снегирями (Назаренко 1971, с. 46-48), у меня не было трудностей в определении этих видов в местах совместного обитания по голосу.

Обыкновенный дубонос *Coccothraustes coccothraustes*. Наблюдался на плато только в 1971 году в качестве немногочисленного.

Красноухая овсянка *Emberiza cioides*. Отмечена лишь однажды: в конце июня 1997 года у погранзаставы «Полковница».

Таёжная овсянка *Ocyris tristrami*. Обычна, но численность сравнительно невысока. В основном населяет приручейные участки во внутренних долинах плато, в местах произрастания кедрово-ельников, даже тех, что пройдены рубками, если по бортам долин выросло мелколесье из берёз и хвойных. Верхний предел на плато – 700 м н.у.м.

Седоголовая овсянка *Ocyris spodocephalus*. Обычна, видимо, численность популяции значительно варьирует во времени. В первый визит на плато в 1971 году она поразила тем, что оказалась почти везде-

сущей: отмечалась в дубняках с лиственницей, в кедрово-ельниках, причём не только у полян, в чистых лиственничниках с мелколесьем и в разнообразных древесно-кустарниковых зарослях вдоль дорог и открытых мест. В это время (конец июня – начало июля) уже повсеместно наблюдались тревожащиеся птицы с кормом и слётки. В 1984 году, в начале июня, когда птицы ещё демонстрировали высокую вокальную активность, в черте кедрово-ельников наблюдать седоголовых овсянок не случалось. Но в типичных лиственничниках они встречались повсеместно. В 1997 и 1998 годах, когда я специально занимался птицами дубняков с лиственницей, седоголовую овсянку там я не нашёл, по крайней мере, в «горной» части этих лесов. На местах вырубок кедрово-ельников во внутренних долинах, где возникла мозаика сырых лугов и разнообразных древесно-кустарниковых зарослей, седоголовая овсянка есть. Равно как и повсюду вдоль пограничной системы. Так что верхний уровень обитания вида на плато – 700 м н.у.м.

Желтогорлая овсянка *Cristemberiza elegans*. Типичным местообитанием этого вида на плато являются, как и повсюду, дубовые леса, в том числе светлые дубняки с лиственницей. Верхний уровень обитания – 600-650 м н.у.м. Кроме того, желтогорлые овсянки наблюдались в верхней части внутренних долин – на сухих участках с разнообразными древесно-кустарниковыми зарослями.

Ошейниковая овсянка *Spina fucata*. В недавней публикации о «молекулярной» систематике овсянок (Alström *et al.* 2008, fig. 3, p. 965) показано, что этот вид образует собственный (но не совсем ясный) кластер вне группы видов рода *Emberiza sensu stricta* и совсем в стороне от всех восточно-азиатских видов. В разные годы ошейниковая овсянка отмечалась только на участках низкотравных лугов и в окрестностях заставы «Таёжная». В том числе – на лиственничной мари. В целом численность этого поселения невысокая, поскольку в окрестностях остаётся много незанятых мест. Верхний уровень распространения на плато – 700 м н.у.м.

Я признателен В.Н.Чернобаевой за техническое оформление статьи и В.А.Нечаеву за полезные литературные источники.

Л и т е р а т у р а

- Горчаков Г.А., Нечаев В.А. 1994. Хохлатый орёл, *Spizaetus nipalensis* (Hodgson, 1836), Accipitridae, Aves – новый гнездящийся вид фауны России // *Бюл. МОИП. Отд. биол.* **99**, 4: 15-17.
- Курдюков А.Б. 2002. Первая гнездовая находка балобана *Falco cherrug* на крайнем юго-западе Уссурийского края // *Рус. орнитол. журн.* **11** (192): 711-716.
- Назаренко А.А. 1971а. Краткий обзор птиц заповедника «Кедровая Падь» // *Орнитологические исследования на юге Дальнего Востока*. Владивосток: 12-51.
- Назаренко А.А. 1971б. О распространении некоторых птиц в южном Приморье // *Орнитологические исследования на юге Дальнего Востока*. Владивосток: 172-179.

- Назаренко А.А. 1971в. О распространении и биологии пестрогрудой мухоловки *Muscicapa griseisticta* (Swinh) в южном Приморье // *Орнитологические исследования на юге Дальнего Востока*. Владивосток: 180-187.
- Назаренко А.А. 1979. К истории орнитофауны субальпийского ландшафта гор Сибири и Дальнего Востока // *Зоол. журн.* **58**, 11: 1680-1691.
- Назаренко А.А. 1984. Птичье население смешанных и темнохвойных лесов южного Приморья, 1962-1971 гг. // *Фаунистика и биология птиц юга Дальнего Востока*. Владивосток: 60-70.
- Назаренко А.А. 1988/1990. Черноголовый поползень *Sitta villosa corea* Ogilvie-Grant в Приморском крае: статус, образ жизни, современное состояние популяции // *Редкие птицы Дальнего Востока и их охрана*. Владивосток: 48-55.
- Нейфельдт И.А. 1963. Индийская кукушка (*Cuculus m. micropterus* Gould) гнездовой паразит амурского жулана (*Lanius cristatus confusus* Stegm.) // *Докл. АН СССР* **151**, 6: 1446-1449.
- Нечаев В.А. 1997. Новые сведения о распространении некоторых птиц южного Приморья // *Животный и растительный мир Дальнего Востока*. Уссурийск, **3**: 92-95.
- Панов Е.Н. 1973. *Птицы южного Приморья (фауна, биология и поведение)*. Новосибирск: 1-375.
- Шишкин П.К. 1934. Лиственница Любарского в Уссурийском крае // *Вестн. ДВФ АН СССР* **9**: 50-84.
- Шульпин Л.М. 1936. *Промысловые, охотничьи и хищные птицы Приморья*. Владивосток: 1-436.
- Alström P., Olsson U., Lei F., Wang H-T. *et al.* 2008. Phylogeny and classification of the Old World Emberizini (Aves, Passeriformes) // *Molecular Phylogen. and Evolution* **47**: 960-973.
- Brazil M. 2009. *Birds of East Asia, China, Taiwan, Korea, Japan, and Russia*. London: 1-528.
- Dickinson E.C., Remsen J.V. (eds.) 2013. *The Howard and Moore Complete Checklist of the Birds of the World*. 4th ed. Eastbourne, 1-461.
- Nazarenko A.A., Steinheimer F.D., Surmach S.G. 2010. Systematic Notes of Asia Birds: 73. On the validity of *Sitta villosa corea* Ogilvie-Grant, 1906 from the Korean Peninsula, S.W. Ussuriland and N.E. China // *Bull. Brit. Ornithol. Club* **5**, 5: 117-124.
- Pavlova A., Zink R.M., Rohvert S., Koblik E.A. *et al.* 2005. Mitochondrial DNA and plumage evolution in the White wagtail *Motacilla alba* // *J. Avian Biol.* **36**, 4: 322-336.
- Songster G., Alström P., Forsmark E., Olsson U. 2010. Multi-locus phylogenetic analysis of Old World chats and flycatchers reveals extensive paraphyly at family, subfamily and genus // *Molecular Phylogen. and Evolution* **57**, 1: 380-392.

